

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5793326>

УДК 398.221 (470.65)

Таказов Ф.М.

Таказов Федар Магометович, доктор филологических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федеральный научный центр «Владикавказский научный центр Российской академии наук» Россия, 362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10. E-mail: fedar@mail.ru.

Семантика метаморфоз в мотиве магического бегства

Аннотация. В статье рассматривается типологический ряд сюжетов с мотивом магического бегства. Объектом анализа стали метаморфозы предметов, которые бросал беглец перед преследователем. Мотив магического бегства широко распространен в фольклоре народов Кавказа, Европы, Азии, Африки и Америки. Материалом для исследований послужили кавказские (абхазские, адыгские, ингушские, осетинские, балкарские), славянские (русские, украинские, польские, болгарские) и европейские (испанские, шведские) сказки. Автор обратил внимание на инициационный характер рассмотренных сюжетов сказок. Была определена семантика метаморфоз бросаемых предметов. Бросание персонажем трех предметов, символизирующих верхний, средний и нижний миры, воспроизводит творение трех миров. Преследователь, как правило, останавливается или погибает при попытке преодолеть водную преграду, символизирующую нижний мир. С победой над нижним миром герой завершает инициационный путь и переходит на новый статус, манифестацией чего является женитьба персонажа.

Ключевые слова: магическое бегство, метаморфозы, инициации, инициант, бегство, погоня, бросание предметов, сказка, модель мира, символика трех миров.

Takazov F.M.

Takazov Fedar Magometovich, Doctor of Philology, V.I. Abayev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research – Branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center “Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”. Russia, 362040, Vladikavkaz, Mira st., 10. E-mail: fedar@mail.ru.

Semantics of metamorphosis in the motive of magical flight

Abstract. The article considers a typological series of plots with a motive for magical flight. The object of the analysis was metamorphoses of objects that the fugitive threw in front of the pursuer. The motive for magical flight is widespread in folklore of the peoples of the Caucasus, Europe, Asia, Africa and America. The material for the research was Caucasian (Abkhaz, Adyghe, Ingush, Ossetian, Balkarian), Slavic (Russian, Ukrainian, Polish, Bulgarian) and European (Spanish, Swedish) tales. The author drew attention to the initiating nature of the subjects of fairy tales considered. The semantics of metamorphosis of thrown objects were determined. The character's throwing of three objects symbolizing the upper, middle and lower worlds reproduces the creation of three worlds. The pursuer, as a rule, stops or dies when trying to overcome the water barrier that symbolizes the lower world. With a victory over the lower world, the hero completes the initiation path and goes on to a new status, the manifestation of which is the marriage of the character.

Key words: magical flight, metamorphoses, initiations, initiant, flight, pursuit, object throwing, fairy tale, world model, symbolism of three worlds.

Метаморфозы в сказке – превращение одних предметов или существ в другие. Наиболее ярко метаморфозы проявляются в сказках с мотивом магического бегства. Как правило, спасаясь бегством, герой поочередно бросает предметы, превращающиеся в различные препятствия на пути преследователя.

Мотив магического бегства широко распространен в фольклоре народов мира. Несмотря на отличительные особенности композиции сюжетной линии, все национальные варианты имеют сходную фабулу:

- сакральное бегство происходит в конце сказки;
- герой троекратно бросает разные вещи, благодаря чему на время отрывается от преследователя;
- преследователя останавливает последний брошенный предмет.

А.Аарне, дифференцируя формы бегства и погони, различал только два вида бегства [10, с. 93]. В. Я. Пропп выделил десять видов погони и спасения [5, с. 298]. Однако для определения семантики метаморфоз во время бегства от погони, разновидности бегства не имеют значения, так как они отражают одну и ту же семантику.

Основная фабула национальных сюжетов с мотивом сакрального бегства имеет сходные черты. Причина бегства может отличаться, но беглец проходит во всех вариантах одинаковые испытания.

Так, например, в абхазской сказке причиной бегства послужила убийство младшим братом карлика и освобождение своей жены. Они убегают, их преследует брат карлика на кабана. Жена младшего брата последовательно бросает три бутылки. Первый раз брошенная бутылка превратилась в колючий кустарник. Второй раз – в гору. Третий раз – в огонь. Преследователь не смог преодолеть огонь и погиб [1, с. 65-73]. В кабардинской сказке младший из трех братьев преследует семиглавого иныжа, которому отрубил одну голову. Старушка сообщает ему, что иныж украл ее дочь. Старушка дает ему гребень, ножницы и зеркало. Герой настигает иныжа, увозит девушку. Иныж настигает бег-

лецов три раза. Первый раз беглецы бросают гребень, превратившийся в колючий забор. Это ненадолго задерживает иныжа. Второй раз они бросают ножницы, превратившиеся в семь крепостей. Третий раз бросили зеркало, после чего земля покрылась льдом. Иныж скользит по льду и падает. Герой убивает иныжа [6, с. 98-99]. В ингушской сказке девочка, убегающая от ведьмы, поочередно бросает лен, гребень и масло. Лен превращается в лес, гребень – в колючие заросли, а масло – в башни с людьми. Люди бросают девочке веревку. Ведьма лезет по веревке вслед девочки, но падает и разбивается [8, с. 179-181]. В одном из грузинских сказок мачеха хочет погубить пасынка. Тот убегает. Его преследует отец, верхом на свинье. Сын льет воду из бутылки, которая превратилась в море. Свинья переплывает море. Второй раз сын бросает гребень, который превращается в лес. Свинья прогрызает себе дорогу сквозь лес. Третий раз сын бросает точило, превратившееся в высокую скалу. Свинья падает со скалы и разбивается [2, 279-284]. В словацкой сказке герой, преследуемый ведьмой, также бросает три вещи, противостоящие бросаемым ведьмой вещам. Герой бросает гребень, ведьма – подкову; герой – щетку, ведьма – золотое перо; герой – стекло, ведьма – золотой волос. Гребень превращается в поросшую густым лесом гору, щетка – в колючие заросли, а стекло – в море. У моря ведьма прекращает погоню [12, с. 36-46]. В русской версии сюжета герой, убегая от ведьмы, бросает щетку (превращается в тростник), гребень (лес) и полотенце (огненное море) [3, 187-190]. В украинском варианте герой бросает только две вещи – гребень (лес) и полотенце (река). Вместо третьей вещи в украинской сказке герой получает помощь от кота, которого девочка накормила мясом. В благодарность кот прядет вместо девочки, благодаря чему она выигрывает время [7, 407-412]. В одном из албанских вариантов после того, как преследующий юношу демон превратился в тучу, беглец бросил миску соли (огонь и дым), затем мыло (река). Когда же демон превратился в кабана, юноше

бросил гребень, превратившийся в болото, в котором вязнет демон в образе кабана [13, с. 854]. В норвежском фольклоре герой убегает вместе с дочерью колдуна и бросают позади себя камешек или песчинку (гора), уголек (лес или огонь) и каплю или бутылку воды (озеро) [11, с. 84-85].

По такой же схеме выстраиваются сюжеты сказок с мотивом магического бегства в фольклоре многих народов Европы, Кавказа, Азии. Герой отправляется в дорогу, сталкивается с великаном / ведьмой/демоном/колдуном. Как правило, спасая девушку вынужден убегать. Перед тем, как убежать, ему помогает конь / девушка/старушка/ведьма, предлагая ему три вещи. Когда преследователь начинает его нагонять, он бросает позади себя одну из вещей, который превращается в гору / лес/реку/море/болото. Перед последним превращением, как правило, водной преградой, преследователь прекращает погоню. Чаще же преследователь гибнет, когда тот хочет преодолеть последнее препятствие.

В некоторых вариантах бегство продиктовано не выполнением задания, которое обычно ставится перед героем. Так, например, в осетинском фольклоре один из вариантов рассматриваемого мотива бегство персонажа объясняется тем, что героя хочет съесть его клыкастая сестра. Мать семерых братьев родила клыкастую дочь. Она съедает шестерых братьев. Седьмой брат убегает от нее. Он бросает три вещи, которые превращаются в кустарник, лес, гору. Клыкастая сестра преодолевает все три преграды. Брат добегает до башни. Жена спускает ему веревку, но он не успевает подняться. Жена тянет наверх, клыкастая сестра – вниз. Жена и сестра договариваются владеть юношей по две недели. Юноша превращается в Месяц: две недели его поедает сестра, а две недели его выкармливает жена [4, с. 27-28]. К осетинской сказке близок ингушский сюжет о семерых братьев и их единственной сестре. Как и в осетинском варианте, юноша долгое время отсутствует дома. Когда возвращается, выясняется, что сестра съела

всех его братьев. Он убегает, бросает гребенку, превратившаяся в лес, затем купорос, превратившийся в купоросное поле, в третий раз бросает уголь, превратившийся в черный туман. Сестра преодолевает все три препятствия. Брат обращается к Месяцу. Месяц поднимает его, однако сестра-ведьма успевает оторвать одну ногу коню [8, с. 297-299].

Хотя осетинский и ингушские варианты отражают этиологический миф о смене лунных фаз, в то же время их можно поставить в один ряд с выше рассмотренными вариантами мотива сакрального бегства.

Все рассмотренные сюжеты с мотивом сакрального бегства по всем признакам можно отнести к инициационным нарративным текстам.

Основным признаком инициаций в рассматриваемых сюжетах является тот факт, что герой вынужден покинуть дом, кроме того, в пути герой подвергается различным испытаниям. По мнению М. Элиаде, человек в одиночку не может сделать себя, его делают старики, духовные наставники [9, с. 19]. В приведенных выше сказках герою также помогает мышь/муравей/конь/старуха/старик/девушка/жена/ведьма/небожитель.

Инициационным нарративам также характерно присутствие в сюжете символической смерти: герой погибает, после чего его чудесным образом оживляют. В конце инициаций герой, как правило, женится.

Иногда инициацию проходит девушка. В таком случае развязка сюжета заканчивается замужеством.

Метаморфозы, происходящие с различными вещами, которые убегающий герой бросает сзади себя, отражают одну из условий прохождения инициации.

Инициация, будучи отражением мифической истории космогенеза, требует повторения миротворения. Если символическая смерть – обязательная составляющая перехода на другую ступень / уровень/статус, то мифотворение трех миров, символами которых выступают три вещи,

бросаемые убегающим, отражает архетип трехчастной структуры модели мира. Присутствие символов трех миров – обязательное условие в инициационных практиках.

В качестве бросаемых вещей могут выступать самые разные предметы. При этом одни и те же предметы в фольклоре разных народов могут превращаться в противоположащие объекты. Так, например, встречающийся в разных национальных вариантах гребень может превратиться в поросшую густым лесом гору [12, с. 36-46], колючий забор. [6, с. 98-99], колючие заросли [8, с. 179-181], лес [2, 279-284)], болото, в котором вязнет демон в образе кабана [13, с. 854] и т.д. Все зависит от ассоциаций сказителя. И то, что, в гору, к примеру, может превратиться как камень или песчинка [11, с. 84-85], так и бутылка [1, с. 65-73] или тот же гребень [12, с. 36-46], не имеет особого значения для семантики метаморфоз этих предметов.

После происходящих с бросаемыми предметами метаморфоз перед преследователем появляется:

- гора/крепость/башня;

- кустарник/колючий забор / лес / колючие заросли/тростник;
- река/озеро/море/болото.

В разных культурных традициях порядок перечисления предметов может меняться, однако распределение символов в контексте архетипов трехчастной структуры модели мира сохраняется.

Гора/крепость/башня – символы верхнего мира. Кустарник/лес – символы среднего мира. Река/озеро/море/болото – символы нижнего мира.

Инициант может пройти инициационный путь только после того, как пройдет испытания во всех трех мирах. Завершением же его пути, как правило, становится преодоление нижнего мира. После того, как преследователь останавливается перед водной преградой или погибает в реке/море, что, фактически, одно и то же, не-офит одерживает победу над нижним миром. Женитьба же (замужество) иницианта знаменует завершение инициации и переход в новый статус.

Таким образом, метаморфозы в мотиве магического бегства семантически воспроизводят символику трех миров в инициационных нарративных текстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абхазские народные сказки /Составитель: К.С.Шакрыл. М.: Наука, 1974. 464 с.
2. Грузинские народные сказки /Перевод Н. И. Долидзе. Под редакцией М.Я. Чиковани. Тбилиси: Заря Востока, 1954. 432 с.
3. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1958. 510 с.
4. Осетинское народное творчество /Составитель: З. М. Салагаева. Т.2. Орджоникидзе, 1961. 654с.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 333 с.
6. Сказки адыгских народов /Составитель: А. И. Алиева. М.: Наука, 1978. 406 с.
7. Сказки Верховины. Закарпатские народные сказки. Ужгород: Карпаты, 1970. 431 с.
8. Сказки и легенды ингушей и чеченцев /Составитель: А. О. Мальсагов. М.: Наука, 1983. 384 с.
9. Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.
10. Aarne A. Die magische Flucht. Eine Märchenstudie. Helsinki: SuomalaisenTiedeakatemia, 1930.165p.
11. Dasent G. W. East of the Sun and West of the Moon. Norwegian Folk Tales by Gorge Webbe Dasent. New York: Dover Publications, 1970. 418 p.
12. Dobšinský P. Traditional Slovak Folktales collected by Pavol Dobšinský. Edited and translated by David L. Cooper. Armonk, N.Y., London: M.E. Sharpe, 1970. 297 p.
13. Pancritius M. Die magische Flucht, ein Nachhall uralter Jenseits-vorstellungen. Anthropos : 1913. P. 854-879.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Abhazskie narodnye skazki /Sostavitel': K.S.Shakryl. M.: Nauka, 1974. 464 s.
2. Gruzinskie narodnye skazki /Perevod N. I. Dolidze. Pod redakciej M.Ja. Chikovani. Tbilisi: Zarja Vostoka, 1954. 432 s.
3. Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva v treh tomah. T. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. 1958. 510 s.
4. Osetinskoe narodnoe tvorcestvo /Sostavitel': Z. M. Salagaeva. T.2. Ordzhonikidze, 1961. 654s.
5. Propp V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. M.: Labirint, 2000. 333 s.
6. Skazki adygskih narodov /Sostavitel': A. I. Alieva. M.: Nauka, 1978. 406 s.
7. Skazki Verhoviny. Zakarpatskie narodnye skazki. Uzhgorod: Karpaty, 1970. 431 s.
8. Skazki i legendy ingushej i chechencev /Sostavitel': A. O. Mal'sagov. M.: Nauka, 1983. 384 s.
9. Jeliade M. Tajnye obshhestva: Obrjady iniciacii i posvjashhenija. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 1999. 356 s.
10. Aarne A. Die magische Flucht. Eine Märchenstudie. Helsinki: SuomalaisenTiedeakatemia, 1930.165p.
11. Dasent G. W. East of the Sun and West of the Moon. Norwegian Folk Tales by Gorge Webbe Dasent. New York: Dover Publications, 1970. 418 p.
12. Dobšinský P. Traditional Slovak Folktales collected by Pavol Dobšinský. Edited and translated by David L. Cooper. Armonk, N.Y., London: M.E. Sharpe, 1970. 297 p.
13. Pancritius M. Die magische Flucht, ein Nachhall uralter Jenseits-vorstellungen. Anthropos : 1913. P. 854-879.

Поступила в редакцию 18.12.2021.
Принята к публикации 21.12.2021.

Для цитирования:

Таказов Ф.М. Семантика метаморфоз в мотиве магического бегства // Гуманитарный научный вестник. 2021. №12. С. 240-244. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/12/Takazov.pdf>